

Андрей Никитин

ЖИДКОЕ СОСТОЯНИЕ



Андрей Никитин
Жидкое состояние

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Никитин А.

Жидкое состояние / А. Никитин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Это история о любви и коварстве, о невинной доброте и изощрённом зле, о силе и слабости. История девственной любви переплетается с расследованием пяти странных и неясных смертей. На вершине загадочных событий убийца, который является одновременно человеком и нечеловеком. До последнего момента полиция, имея подозреваемых, не может найти мотив — эту свечу зажигания любого следственного механизма. Как выяснилось, ответ оказался прост, как лежащий зимой снег, но по ходу расследования, сталкиваясь с истинным лицом ужаса, некоторые расстались не только со спокойным сном. Произведения молодого автора Андрея Никитина наверняка будут интересны самому широкому кругу читателей. С одной стороны, писатель вроде бы пишет о довольно известных и даже банальных вещах. Но прошу вас, не верьте первому впечатлению — здесь не всё так просто. Одна реальность в мгновение ока сменяется реальностью неземной и просто мистической. Обычный мир вдруг ощетинивается совершенно неожиданными препятствиями и опасностями. Жить в мирах Андрея Никитина очень непросто, сложно и довольно опасно. Но зато — скучно не будет. Это уж точно. После того, как вы одним духом «проглотите» эти книги (а иначе просто не получится), вы обязательно, украдкой оглядываясь, шумно выдохните — уф, ведь всего это только книга. Но вы в этом уверены?..

© Никитин А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Никитин

Жидкое состояние

Глава 1

Дождь начинается...

19 сентября, суббота.

Серое небо хмурилось как недовольный старик. Далёкие тучи ковыряли в голубом небе рваные дыры.

– Скоро будет дождь, – сказал Вова. Он смотрел на пасмурное небо. Легонько касаясь щёк, струился ветер. Удочка в руке дёрнулась, впустив ощущение азарта. Вова сосредоточился. Невысокий парень тридцати пяти лет, в кофте с открытым горлом, синих протёртых джинсах и кроссовках белого цвета. Круглое лицо, скрашенное пятнами раздражений после бритья. Зелёные глаза глядели в серо-зелёную даль быстротечной реки, грустно поглядывали на поплавок. Он думал, что вскоре придётся уйти, а ведь они на берегу менее двух часов. Несколько часов это неудачное времяпровождение, если учитывать, что двадцать минут уходит на подготовку снастей и сбор удочек. Получается, половину времени они потратили на предварительные процессы, и теперь сидят ожидая решения погоды. Однако, когда видишь, как рыба дёргает леску намереваясь уплыть, осознавая силу человека, ты подсекаешь, тянешь, а по телу волнами струиться ощущение превосходства над миром природы.

Вова неловко вздохнул, глянул на тучи, напоминающие расстеленный по небу пепел, замерший в отчаянных попытках развеяться по миру. Ничего не поделаешь, сидеть под дождём бесполезно.

Вова посмотрел на улов: два карпа и десяток бычков суетливо копошились в ведре. Бульканьем они напоминали, что не сдались, и будут держаться до последнего, не осознавая, что конец близок, а стальная ограда вокруг лишь временно поддерживает жизнь, сберегая помутневшую воду. Одна из рыбёшек с порванным ртом, непонятливо глядела на Вову, высовывая голову из воды, затем вновь копошилась в тесном ведре, стучая хвостом по металлической поверхности.

– Думаю, у нас есть время, – сказал Стас, взглянув на небо. Ветер щекотал его усы, и теребил камуфляжный капюшон, спасающий шею от прохлады. Порывы воздуха поднимали пыль с противоположного берега, сбрасывая в реку песчинки и сухие листья. Вдали сверкнула молния, озарив тёмным очертанием остатки небесной синевы и осветив ломаные узоры контуров горизонта. Через несколько секунд раздался гром. Деревья на другом берегу шатались и шумели. Ветер играл с ними, как с воздушными змеями.

Стас устало глянул на друга, затем вновь посмотрел на тучи. Он не придавал значения мелкой влажности, считая её лишь подкормкой для рыб. Стас был настроен остаться, насмехаясь над предрассудками друга, считавшего опасностью каждый природный феномен. Спешить было некуда. Если он настроился сидеть до конца, его не сдвинет даже смерч.

– Ты надеешься поймать что-то? – спросил Вова, – я не собираюсь мокнуть и подхватить простуду. Ты не поймал больше, чем должен, даже если просидишь сутки.

Вова злился на друга. Частично он гордился, что его улов больше, чем у Стаса. Шансы были равны, оба под хмельком, но Вова поймал больше. Теперь мокнуть ему было неохота.

Честно сказать, Вова не был любителем рыбалки, ходил лишь для компании, но за дело брался с усердием. Если уже вышел в поле с косой, собирай снопы с росой.

– Сейчас пойдём. Когда начнётся дождь, сядем в машину, – сказал Стас и посмотрел на красные Жигули, стоявшие в десятке метров. Автомобиль был цвета гнилой вишни, но в серости надвигающихся облаков приобрёл матовый оттенок.

Вова жил рядом. Подъехав на Жигулях, он показал, насколько ленив. До дома было несколько километров. Всё, что им было нужно, они могли принести в руках. Приятели захватили немного провизии, и, конечно же, алкоголь.

– Смотри сам. Сидим ещё десять минут, – недовольно сказал Вова, и начал сматывать удочку. Он не спешил, с опаской поглядывая на небо, рвущееся пополам в месте скопления грозовых облаков. Ветер играл в ушах, небо гнало прохладу, сбивая краски с поля зрения. Под ногами лежала недопитая бутылка самогона, но в данный момент никто не хотел думать о нём. Гневно надвигавшийся к ним циклон, испортил настроение. Прохладный ветер стал сильнее щекотать лица, равнодушно поднимая пыль. Темнело.

– Пусто, – сказал Вова, достав голый крючок. Он поднялся на ноги, взял стаканы и тарелки, понёс посуду в багажник машины, радуясь, что вскоре можно будет уехать. После того, как алкоголь зацепил его, стало лень ловить рыбу.

На реке появились капли дождя, характеризующиеся многочисленными растущими и сталкивающимися кругами на поверхности. Стас ощутил влагу. Он недовольно поглядел на небо с отчаянием и злостью надеясь, что это пятиминутная погодная диарея, после которой обычно светит солнышко и ощущаешь прохладную слякоть с примесью тепла от попадающих на лицо солнечных лучей. Он думал дождь скоро кончиться, но чёрное небо утверждало, что он ошибается. Стас начал сматывать удочку, вращая катушку. Он решил бросить принципы, и следовать совету друга, хоть в душе колебался. В глазах блеснул азарт, который гнал его, нащёптывая о рыбалке. Этот огонь победы погасили первые капли дождя. Крючок застрял на середине реки, натянув леску. Стас несколько раз аккуратно дёрнул.

– Похоже, зацепилась за что-то, – недовольно сказал Стас и поднялся со старой табуретки, служившей много лет. Если бы можно было поощрять мебель, этот деревянный стульчик мог бы рассчитывать на повышение.

Стас потянул удочку, напрягая озябшие руки, становясь на цыпочки и волнительно глядя на воду. Он намеревался высвободить крючок, одновременно стараясь понять, за что он зацепился. Не впервые было, что потеряв надежду, он высовывал крючок вместе с рыбой. Такую рыбу он называл финишной или глупцом. Супруга улыбалась этому, но считала нелепостью.

Вот бы крупная! – думал он, глядя на леску.

Нетерпение гнало его ближе и все силы, что остались, он тратил на то, что держало крючок. Резиновые сапоги, которые он надевает в таких случаях, образовали вмятины в почве. Стас наступил в жидкое болото. Река оросилась звуками чваканий. Стас пытался разглядеть, за что зацепился крючок. Его не покидала надежда, что это крупная рыба. Вова разложил миски и судочки в багажнике, прикрыл его, неторопливо подошёл к приятелю. Стас собирался лезть в воду. Это зрелище подняло настроение Вова, и обозначило рекорд дня в виде последнего заплыва.

– Что, попался? – спросил Вова, когда взял раскладную табуретку столь же ценную, что и стульчик Стаса. Вова собирался отнести её к машине. Табуретка сложилась и удобно разместилась в руке. Стас не ответил на замечание, переключив мысли на крючок.

Погода портилась. Капли дождя оседали на лицо и шею. Вова посмотрел на небо, затем на друга. Почему-то он решил, что с противоположной стороны лески не рыба. Обычный случай: крючок останется в реке, а кусок лески хлыстом отскочит к владельцу удочки, обрывая надежду.

Отклонившись и скользя по грязи, Стас потянул удочку со всей силы. Он рассчитывал вытащить крючок любым способом и ощущал, что тот не застрял. Лицо наполнилось гневом и мольбой. Руки дрожали, тело одеревенело. Точка сцепления движется, это давало надежду. Вдруг, неожиданно и резко, катушка начала разматываться. Первая мысль, мелькнувшая у Стаса, что это сом. Достаточно крупная рыба, чтоб сопротивляться человеку.

– Клюнула? – спросил Вова. Его тёмные волосы, пропитавшиеся каплями дождя, прилипали ко лбу, он убрал их ладонью. Он стоял с табуреткой в руке, с интересом наблюдал, как леска размоталась и тянула удочку в воду. Стас дёрнулся, но выстоял, наклонившись вперёд. Леска выдержала.

Неужели поймал? – мелькнула мысль у Стаса.

– Помоги мне, – крикнул Стас, глянув на друга. Он уже ступил сапогом по щиколотку в воду, но удочка продолжала тащить его в реку. Стас держал её и не собирался отпускать, борясь с искушением. Он будто участвовал в соревновании по перетягиванию каната, стараясь любой ценой достичь победы. Силы иссякали, леска тянула в воду. Вова наблюдал, как друга утаскивает к середине реки.

Скорее всего сом, – решил Вова.

– Что происходит? – удивлённо спросил он. Он глупо смотрел, как Стас пытался удержать удочку, стоя по колено в воде. Невероятно, что в реке может быть что-то настолько крупное. Вова знал, что такие встречи нечасты, и наблюдать одну из них было интересно.

– Брось её! – крикнул Вова, махнув рукой. Он испуганно глядел на бурную воду, волнами поднимающуюся над местом поединка. Что-то в воде создавало вихри и пускало волны. Вова хотел подбежать и помочь. Он бросил табуретку, но что-то удерживало его, не подпуская к воде. Маленькая доля страха, вызванная бушующей рекой и громадным, судя по размерам волн, существом. Вова глянул на крутящуюся рыбу с разорванным ртом, что металась в ведре, злорадно наслаждался её мучениями. Он смотрел, как выплёскивается вода от резких поворотов и ударов хвостом о ведро. Она что-то почувствовала, и начала отчаянно бороться за жизнь.

Не может быть ничего настолько крупного в этой реке!

– Не могу, – ответил Стас, неустойчиво крутясь, стараясь сохранить позицию. Он не хотел терять удочку, и всё ещё рассчитывал, что стоит в преддверье крупного улова. Горбатые волны придавали в этом уверенности. Стас продолжал упираться ногой в ил, шатаясь и скользя. Равновесие было сложно удержать. Сапог скользил по грязи, расшатывая хлипкое тело, отбивая оставшиеся силы. Стараясь не упасть, Стас осторожно спускался ниже, потакая существу с противоположного края удочки. Через несколько секунд, когда сапог уже был по колено в воде, Стас понял, что сейчас его утянет с головой. Он отпустил руки. Удочка упала. Раздался всплеск, затем тишина. Волны стихли. Мерно качалась успокоившаяся вода, поддерживающая удочку на слабом течении. Ещё несколько секунд и удочка медленно начала погружаться. Жалость потери грызла Стаса. Удочка всплывала и погружалась, дразнясь, будто купающийся в море подросток, не желающий надолго высовывать голову из воды. Стас стоял в нескольких метрах от удочки, нерешительно старался её достать.

– Она остановилась, – сказал Стас, посмотрев на друга, – я заберу её.

Стас несколько секунд наблюдал, как удочка медленно движется вдоль течения, словно упавший на воду листочек. Изменение натяжения лески ввело его в заблуждение. Факт того, что рыба перестала дёргаться, вывел из строя сосредоточие. Вот удочку тянут, а через секунду она в свободном плавании, как оторвавшийся буёк.

– Давай быстрее, – ответил Вова, предоставляя Стасу пойти за ней самостоятельно. Вова поднял табуретку и собирался скрутить подстилку, чтоб сложить в багажник. Он краем глаза видел, как удочка всплыла на середине реки.

Странно, что удочку не утащило ко дну, и рыба оставила её, – подумал Вова. В этот момент ему вспомнились фильмы ужасов про болотных монстров. Зачастую мозг блокирует подобные позывы и не позволяет нам сойти с ума от окружающих раздражителей, которые то и дело всплывают в повседневной жизни, стараясь ущипнуть за задницу в самый неподходящий момент.

Стас спустился в воду почти по пояс, на всю длину сапогов. Шёл осторожно. В сапоги попала вода. Зря он не вытащил удочку вовремя, как советовал Вова, но другая сторона медали, скрытая под водой, может ещё принести плоды. Сегодня он не рассчитывал, что придётся идти в воду. Когда вода попала в обувь, тело пропитало неприятное ощущение, будто ноги измазали дерьмом. Шаг за шагом это ощущение укреплялось. Стало холодно и мерзко. Одежда липла к ногам. Он уже хотел протянуть руку и поднять удочку, плавающую как мёртвое насекомое, как вдруг упал в воду. Он бултыхался и бил руками по поверхности. Его что-то тянуло, хватая за ногу. Он больше испугался силы, что тащила его, чем того, что мог утонуть.

Вова наблюдал с табуреткой в руке, через секунду подбежал к воде. Он хотел спуститься за приятелем, но испугался. Вова не знал, что могло схватить Стаса. Никогда Вова не был готов рискнуть ради другого. Это была его слабая черта, ясной полосой обрисовывавшая хилость и мягкость. Он мог говорить на встречах, что дружба это самое сильное чувство, какое есть в жизни, и самые крепкие узы держат в руках друзья. Связи эти, подобно леске, рвутся крайне редко, и если рвутся, то необратимо. Но всё это Вова не считал правдой, так как был трусом и всегда ценил только свою шкуру, не забывая добавлять, что в будущем он ещё себя покажет. Идея о будущих достижениях, была его сильной стороной, как он считал, но на самом деле лишь вбивала в голову манию величия, ломающую жизнь и позволяющую пускать шепчущиеся разговоры за спиной.

Вова смотрел, ничего не делая. Он сжимал в руке табуретку. Бултыхание утопающего заставило Вову панически метаться вдоль берега, не зная, как себя вести. Он глядел, как друг борется с кем-то в воде. Самое страшное, что не было видно никого кроме Стаса. Никаких плавников или хвостов. Вова смотрел как сила, неведомо откуда взявшаяся, тащит друга вглубь. Он шагнул в воду, намочив обувь и носок. Появилось неловкое ощущение брезгливости. Вова почувствовал, как лодыжку обхватило что-то наподобие мокрой верёвки. Через секунду он поскользнулся и упал, потеряв равновесие. Он быстро отполз на берег и с опаской наблюдал, как Стас сопротивляется, высовывая голову, чтоб вдохнуть. Оступившись, Вова ступил в ил, который обхватил ботинок, но шокированный мозг накрутил некие образы, от которых реакция немного ускорилась и позволила выскочить на берег за секунду.

– Вова! – крикнул Стас, в последний раз показав голову над водой. Он поднимал брызги. Голос показался искажённым, как во время телефонного разговора при плохой связи. Вова наблюдал, как вода накрыла друга. Руки и ноги хаотично мелькали над водой, пытаясь схватиться за что-то. Пальцы были растопырены.

Представление прошло шумно. Через минуту всё стихло. Руки перестали мутить воду. На поверхности показался тёмный комок волос, за ними капюшон куртки, похожий на сдутый мяч. Недалеко плавала пачка сигарет, давно выпавшая из кармана, оставив на поверхности белый уголок упаковки. Тело Стаса спокойно поднялось на поверхность, а набравшая воду одежда напоминала надувной плот. Вода успокоилась, единственным напоминанием случившегося служили слабые волны, стучающиеся о берег. Никого вблизи Вова не видел. Никто не трогал тело Стаса, что было странно. Если хищная рыба охотится, она утаскивает жертву на глубину и там поедает. Убивать для удовольствия может только человек.

Дождь начал поливать сильнее, шумно объявляя своё присутствие. Вова отполз в сторону, испачкав руки и колени, опасаясь, что речное существо схватит его. Он лежал на боку

и смотрел, словно ожидая, что приятель поднимется и скажет: *Это розыгрыш, дружище, не переживай.*

Но никто ничего не сказал. Тело Стаса, лицом вниз бездвижно плыло вдоль реки. Края сапог образовали маленькие островки и завершали скрытую под слоем воды фигуру человека. Рыба в ведре возле Вова оживлённо зашевелилась, ощущая приятную свежесть. В наступившей пассивности Вова слышал удары собственного сердца и монотонный стук дождя.

Небо затянуло тучами, скрыв последние пятна голубого полотна. Вдали сверкнула молния. Вова переводил дыхание, с испугом глядя на медленно плывшее бездыханное тело с вздутой курткой и камуфляжными штанами. Зелёный капюшон погрузился и перестал быть виден. Костяшки пальцев немного торчали над водой. Лишь шум дождя подтвердил, что это реальность. Вова привстал и стоял, ощущая, как промокшая одежда липнет к телу. Левая нога неприятно обдавала прохладой, промокшая и испачканная в речной грязи.

– Стас! – крикнул Вова, не зная, что делать. Он понимал, что первым делом нужно вытащить тело и откачать. Это единственный способ спасти утопленника. Быстрая реакция и друг будет жив. Действовать нужно сейчас не дожидаясь помощи, иначе будет поздно. Стас снова сможет дышать и будет благодарить за спасение. Возможно не только он, но и его близкие. Можно будет попрекать этим всю жизнь. Вот когда он может проявить себя и показать чего стоит! Мысль о благодарности отдала теплотой по всему телу. Вова вздрогнул, однако в воду идти не хотел. Там было нечто, что утопило друга, а значит, может утопить и его.

Удочка Стаса всплыла в пяти метрах от тела, словно намекая, что тут всё мертво и вошедший в воду будет плыть по течению, как бревно, лишившись подвижности. Если Вова сейчас побежит звонить в скорую, его спросят, почему он не попробовал откачать Стаса. Могут даже обвинить в бездействии. Ведь он ловил рыбу, а рыбак должен знать, как оказывать помощь. Всё-таки вода рядом.

Нет, туда я не полезу. Скажу, что обнаружил тело позже. Это не проблема, я так и сделаю. Я отошёл, а когда пришёл, Стас был мёртв. Да, так я и скажу.

Вова обрадовался подобно ребёнку, исправившему двойку на пятёрку. Груз обязательств медленно соскакивал с плеч, освобождая мысли от негатива. Друг утонул, но Вова чувствовал себя превосходно. Оправданием спокойствию могла служить опасность, подстерегающая в воде. Перед глазами стояли руки и ноги, бьющиеся в агонии. Вова ясно увидел всю картину. Пальцы Стаса сжимались, стараясь ухватить что-то, но ничего не помогло. Его постигла участь Спартанских младенцев, родившихся слабыми. Вова печально посмотрел на плавающее тело и с ужасом оглянулся. Вдруг его кто-то видел, и обвинит в бездействии? Страх вернулся. Он ощутил вину, будто утопил приятеля. Вова огляделся, вокруг никого не было. Серая ткань легла на небо, спрятав свет солнца. Лучи тщетно пытались пробиться сквозь занавес мрака. Вдали гроыхало с каждым разом агрессивнее и ближе. Вова утешался тем, что никто его не видел. Он облегчённо вздохнул, бросил подстилку и зашагал к машине, стараясь придумать, что делать. Он не испытывал страха, будто находился в протрации, воспринимая происходящее спокойно и медленно, как во время медитации. В голову пришла идея. Он может попробовать подтащить тело.

Если не входить в воду, всё будет хорошо. Мне нечего бояться на суше.

Вова побежал к багажнику, открыл его. Жадными глазами начал осматривать содержимое. Трос для буксировки это то, что нужно. Как ему сразу в голову не пришло?

Руки дрожали, волосы налипли на глаза, мешая обзору. В багажнике было темно после отражавшихся в голове ясных и чётких образов утопающего. Он заметил трос и вытащил.

Идя к воде, он сделал петлю. Дождь превращал землю в болото. Вова подошёл к воде и собирался накинуть петлю на кисть руки, чтоб подтащить друга. Слабо поддающийся формировке трос мог соскочить, но это не волновало Вову. Он должен сделать всё что может, для очистки совести. Сейчас только это было важно, даже важнее жизни друга. Неким чутьём он знал, что Стаса не спасти.

Вова приблизился к воде. От резкого шума в ведре он дёрнулся. Вова секунду потратил на созерцание бодрых попыток рыбы вырваться из заточения, затем глянул на реку. В тот же миг он застыл как вкопанный. Тела не было. На поверхности только брызги дождя и косо лежащая удочка.

– Что за хрень? – спросил себя Вова, всматриваясь в реку. Мутный ил поднялся и вперемешку с брызгами дождя не давал разглядеть дно, где, скорее всего, было тело.

Тело должно рано или поздно всплыть.

Вова мок под дождём с тросом в руках. Не видя тела, он расслабился, словно судьба исправила совершённую им ошибку. Только он это подумал, как в тридцати метрах что-то поднялось на поверхность. Создалось ощущение, что на берег вывалилась громадная рыбина. Щурясь, Вова пытался определить, что поднялось из воды. Рядом в ведре слышались всплески создаваемые рыбой. Вова увидел вышедшего на берег человека. Вспышка молнии частично осветила лысину и мокрую одежду, состоящую из тёмной рубашки и брюк. Тёмный цвет тела объяснялся высокой влажностью одежды. Человек вышел на четвереньках. Встал на одну ногу, затем поднялся на вторую и теперь стоял во весь рост.

– Эй! – крикнул Вова, – вы кто?

Вова испугался, что его бездействие может быть зафиксировано. Незнакомый видел, что Вова ничем не помог другу. Одновременно с этим ему стало легче. Теперь с ним ещё один человек и вместе они попробуют вытащить тело Стаса. Но что-то было не так. Мокрая одежда не соответствовала экипировке ныряльщика. Вова задумался, почему этот человек вышел без скафандра и маски, ведь он находился в воде слишком долго. И почему он плавал одетый? Если бы он недавно вошёл Вова бы заметил.

Человек повернул голову, медленным шагом направился к Вове. Ничего не выражающий бесстрашный взгляд фиксировал цель. С него текла вода, он был босиком. Лицо уже можно было разобрать. Оно было непривычного цвета и было в нём что-то странное, что бросается в глаза. Будто лёгкое упущение художника, рисующего портреты. Вова сразу понял что это. Это его напугало. Размытое лицо. У человека, идущего к нему, было размытое лицо, будто Вова смотрел через искажённую линзу, или подобная невидимая линза была у лица мужчины как громадный монокль. Холодок пробежал по спине Вовы, будоража и заставляя забыть о Стасе. Словно удар током и Вова всё понял. Этот человек не свидетель смерти друга, а непосредственный участник. Он был существом, тянувшим Стаса ко дну. По мере того, как человек шагал к Вове, очевидность этого проявлялась всё больше, выступая потом на шершавом лбу, где прилипшие волосы образовывали узоры рваной бумаги. Лицо виднелось в общих чертах, будто было из прозрачного силикона, который оставался жидким, менял форму и вибрировал, как песок на музыкальной колонке. Это лицо пугало.

Вова отступил и зацепил ведро с рыбой. Со страстным рвением карп с разорванным ртом выскочил из перевернувшегося ведра и поплыл вдоль грязной земли к воде. Через секунду он был уже в реке, победоносно махнув хвостом. Вова глянул на эту картину, ощутив крошечное поражение. Он побежал к машине. Трос выпал из рук став лишним препятствием на пути к спасению. Это был момент, когда Вове не надо было говорить, что делать. Его завели как игрушечного зайчика и пустили необдуманно бежать, наблюдая за неловкими и дёргающимися движениями. Ноги несли быстрее, чем проходили процессы в мозгу. Он забыл о друге, о брошенных вещах и лежащей недопитой бутылке самогона мутного цвета.

Забыл о карпе, которого хотел вкусить этим вечером. Вова хотел быстрее добежать к машине. Хлюпая по влажной земле и стараясь не поскользнуться, он подлетел к жигулям, едва не упав. Дверь была открыта. Вова дёрнул ручку и перед тем как сесть на сиденье оглянулся. Тёмный силуэт, частично скрывающийся за полосами дождя, приближался. Вова вскочил на сидение и закрыл дверь. Руки тряслись. Он хотел схватить ключ зажигания, но забыл где он находится и начал обшаривать одежду. Ключ оказался в кармане. Приятное осознание этого утешало мужчину и придало надежды на спасение. Ключ не хотел вставляться в замок зажигания. Дрожащие руки не поддавались контролю. Каждая секунда могла стать последней, сердце бешено вибрировало, заглушая звуки стучащего по крыше дождя. Вова мельком посмотрел в зеркало заднего вида, но увидел только темноту и стекающие по стеклу капли. Он сумел вставить ключ, двигатель завёлся. Это гудение было настолько приятно для Вовы, что он засмеялся. Он включил передачу и поехал, забыв про фары. В темноте впереди он заметил человека, стоящего под дождём. Это был тот же человек, что вышел из воды. То же размытое лицо и тёмная одежда, сливающаяся с густотой фона. Он включил фары и вскрикнул от увиденного. Деформированное лицо, меняющее форму как мыльный пузырь, слабо поддающееся описанию, глядело на него, заставляя колени труситься. Вова инстинктивно вывернул руль, машина дёрнулась на ухабе. Заскрипели покрышки. Дальнейшая дорога была видна нечётко. Вова только сейчас понял, что забыл включить дворники и чтоб не врезаться или не угодить в яму остановился. Автомобиль проехал по грязи примерно метр и заглох. Перед тем как машина остановилась, её дёрнуло. Вова ударился головой о боковое стекло. Появилось ощущение твёрдой, обтекающей боли. Она медленно, тёплой массой распространялась по левой стороне головы. Вова включил дворники и фары. Дорога впереди была свободна. Он включил передачу, но машина не сдвинулась с места. В суматохе Вова даже не заметил, что мотор заглох при остановке. Фары освещали мелкие лужи и тонкие нити дождя. Вова начал заводить машину, в этот момент водительская дверь открылась. В темноте показалось страшное лицо, напоминающее размытый снимок, какой получается при съёмке во время движения.

– Боже, нет! – крикнул Вова и начал левой рукой отбиваться от незнакомца. Он бил по мокрой одежде и телу, но ощущение было, будто удары приходились по наполненному водой резиновому матрасу. Тело было мягким. При каждом ударе разлетались брызги. Вова боялся смотреть в мутное лицо, но у него не оставалось выбора. Лицо неожиданно показалось знакомым. Где-то он видел его прежде, только немного деформированное, но основные контуры остались без изменений. Лицо реального человека. Пока Вова думал, незнакомец протянул руку к его рту и надавил. Несколько секунд Вова пытался отбить руку, оживлённо за неё хватаясь, но безуспешно. Незнакомец с силой прижимал ко рту влажную руку. Когда Вова попытался сделать вдох, лёгкие наполнились водой.

Менее, чем в двух километрах от того места где бездвижно стояли Жигули с мёртвым мужчиной, находился старый дом. Неприметный дачный домик, огороженный шатким забором с деревянными окнами и лампой на фонарном столбе у ворот, где в жаркие дни можно наблюдать скопление мотыльков создающих подобие песчаной бури. Дождь шёл весь вечер. Дом сотрясался от ливня. Шум ветра проникал во все щели, стекла дребезжали. Шум, отдалённо напоминавший плач ребёнка, попавшего в беду. Загнанный в угол ребёнок, зовущий на помощь. Звук нарастал, как непрерывное гудение приближающегося поезда. Голосок стал громче, слова можно было различить. Размытые образы ребёнка появились на горизонте, внедряясь в сознание.

Глава семейства проснулся оттого, что сын тряс его.

– Папа. Папа, – говорил пятилетний сын, продолжая трясти отца, – папа. Проснись.

– Что случилось? – спросил отец, вскочив на кровати, испугано оглядываясь. Он сел и разглядел лишь полоску света на ковре, идущую из приоткрытой двери. По крыше барабанил дождь. Изредка были видны вспышки молний, обрисовывающие контуры мебели. Тут был старый шкаф, комод, стулья, пыльный телевизор и скрипучая кровать, занимаясь сексом на которой рискуешь разбудить ребёнка. В слабом свете сквозь серую пелену, оставшуюся ото сна, медленно, но неудержимо испаряющуюся с глаз мужчины, стал различим силуэт мальчика в пижаме. Он тряс папу за руку. Мужчина протёр глаза и огляделся. Постепенно он начал различать в темноте очертания предметов, которые были хорошо видны во время вспышек, но в темноте сливались сплошным покрытием. Рядом с ним стоял сын в пижаме с изображениями клоунов-акробатов, с плюшевой собачкой в одной руке. Первое, что услышал Богдан Игоревич это тонкий голосок сына.

– Папа. По крыше кто-то ходит, – сказал Виталик, – мне страшно. Я слышал шаги, папа.

– Что? – переспросил отец, но сразу сообразил, что ребёнок принял упавшую с дерева ветку за шаги или дождь пошёл интенсивней, скрасив фантазию ребёнка. В такую погоду и взрослому человеку будет неловко остаться в доме одному.

– Тебе показалось, сынок. Дождь льёт как из ведра, просто показалось. Ветер шумит. Нечего бояться.

Богдан лёг на бок. Вставать не хотелось. Не в первый раз ребёнок жаловался на страшные звуки, мечущиеся по дому как оглушённая рыба по ручью. Богдан протянул руку под одеялом и положил на мягкую грудь жены. Супруга немного похрапывала.

– Это ветер шумит, Виталик. Иди спать.

Бах!

Что-то стукнуло по крыше. Звук удара кулаком по металлическим воротам. Богдан перевернулся на спину, посмотрел на потолок. Страшная мысль, что потолок может обвалиться, взбудрила его. Шум был довольно красноречив. Казалось, кто-то спрыгнул с дерева на листы шифера. Слишком громкий удар для упавшей ветки. Проблема была в том, что над домом нет деревьев. Прыгнуть на крышу было неоткуда.

– Я же говорил, папа, – испуганно сказал Виталик, прислонившись к отцу. Мальчик залез под одеяло и накрылся, – он там. Ходит по крыше.

– Тише, – сказал Богдан и прислушался. Монотонное потрескивание дождя, словно помехи радиосвязи сменяли порывы ветра.

Бах!

Снова громкий звук, от которого подняла голову жена Богдана и вопросительно поглядела на мужа.

– Что это бахнуло? – спросила она, не разогнав окончательно остатки сна. Она смотрела по сторонам, посчитав, что упал предмет мебели.

Бах!

– Богдан! – вскрикнула Вера и схватилась за мужа глядя на потолок. Она словно мысленно послала сигнал, затем прикоснувшись к плечу, заставила его собрать всю силу в кулак и принять решение. Они были женаты больше семи лет и понимали друг друга без слов. Подобный крик женщины, замеревшей в страхе, способен перенастроить любой мужской мозг на волнительную частоту и обратить внимание на главную проблему.

– Мама, – простонал Виталик и обнял Веру за шею, невольно прижав её незащищённые на ночь груди.

Богдан прикидывал, что это было. Скорей всего причина переживаний погода. Упавшую ветку он не принимал во внимание, так как удары слишком часто повторялись и были единичными. Интенсивность дождя или же град не подходили. Он решил, что стоит принять

меры и в данный момент имеет место человеческий фактор. Кто-то ходил по крыше или специально что-то бросал.

Соседи? Какого чёрта и кто это делает?

Богдан глянул на жену и сына. Он испугался за них. Почувствовал опасность, которая крадучись влезла в напуганные сердца.

Они были на даче в доме у реки, за двадцать километров от города. Соседские дома справа и слева были пусты. Улица освещена, но в такую погоду никто не станет бродить по влажной грязи. Дом Вовы Гнуса, приятеля Богдана, стоял в ста метрах. Он собирался на рыбалку, но дождь, скорее всего, прогнал его, мокрой рукой трогая за шиворот. Днём Вова звонил Богдану и предлагал пойти, но Богдан отказался. В этот ливень Вова, скорее всего дома. Стоит ли звонить ему? Неловкая мысль, что Богдан испугался фантома, будила его гордость и отдавала ей ключи управления поведением мужчины. Прислушавшись, Богдан понял, что эта мысль не такая уж бредовая, учитывая, что по крыше кто-то прыгал. Обычный грабитель войдёт тихо через окно, не давая хозяевам повода для беспокойства. Для чего их пугать?

Бах!

Богдан подскочил и устоялся на потолок. Ему казалось, что крыша сейчас провалится, разбрасывая по кровати и по полу куски гипсокартона и шпаклёвки. Всё рухнет на голову, потоки ливня хлынут в дом как струя гидранта.

– Я посмотрю что там, – сказал Богдан, повернувшись к жене и ожидая, что она попросит его остановить. Ему не хотелось выходить в ливень на улицу. Ему вообще не хотелось вставать с тёплой кровати и выходить в темноте, но делать это необходимо. Днём другое дело: никаких скачков волнения, лишь голое любопытство, подкреплённое осознанием власти и безопасного окружения. Сейчас же темно, льёт дождь, наводя брезгливое ощущение сырости. Снова Богдан прислушался, но кроме барабанного шума воды ничего не услышал. Капли стекали по стеклу, обезобразив уличный фон до неузнаваемости.

– Может не надо? – спросила Вера, – посмотри, что творится на улице. Давай утром выйдем. Думаешь, там кто-то есть?

Вера не знала, кто или что могло издавать эти звуки, не знала, что делать. Стоило ли ей отпускать мужа? Вопрос был неоднозначным. Последнюю фразу она задала с небольшим интервалом и заметной неуверенностью, показывающей, что чаша хранящая страх в отдельном отсеке переполнилась и теперь разливала содержимое по телу молодой девушки. Сын прижимался к ней, но она не замечала дискомфорта боли в груди и шее. Её глаза говорили об опасности и придавали уверенности Богдану, что он дорог этой женщине. Вид напуганной семьи, законное право жить на данном участке и злость от столь дерзкого вмешательства составили комок закалённой уверенности, что нужно действовать. Решительно и без промедления.

– Нет. Я возьму зонт и проверю что там, – сказал Богдан твёрже, любящим взглядом глядя на жену и сына. Он сказал так чтоб успокоить Веру. Спутанные волосы свисали с её худого плеча. К левому плечу, обняв мать, прижимался ребёнок. Вера обняла сына и смотрела на мужа. Он посмотрел на неё и улыбнулся. Всё в ней было ему приятно: её малинового цвета губы, зелёные глаза, блестящие, когда она смотрит телевизор, светлые волосы щекочущие лицо Богдана, когда во время секса Вера сверху. Богдан улыбнулся ей, протянул губы к её губам, нежно прикоснувшись, чтоб снять то напряжённое состояние, необъяснимой опасностью влившееся в небольшой трёхкомнатный дачный домик, натянув расслабленные мышцы жильцов до состояния рогатки перед выстрелом. Вера целовалась, не закрывая глаз, ожидая объяснений. Но отстранив лицо тут же всё поняла. Его мысли передались через поцелуй. Богдан *должен* посмотреть, что происходит. Вера поняла по взгляду, что

решение, которое принял муж самое верное, спорить бесполезно и глупо. Поцелуй ослабил нервы, выпирающие на лице, успокоил её и прогнал по телу ощущение расслабленности, а твёрдое лицо мужа говорило, что всё под контролем и страх следует прогнать пинком, нацепив на шею колокольчик как прокажённого.

Вера обнимала сына, который начал засыпать и смотрела, как Богдан надевал штаны, выглядывая в окно. Она дышала спокойней, рассредоточила воткнутые в одну цель мысли по всему телу, ощутив, что плечо, на котором свисал сын начало затекать. Вера улыбнулась мужу, положила сына на кровать и легла рядом, накрыв его одеялом.

Страхи часто бывают безосновательными. Хорошим примером этому служат боязливые утверждения детей, ложащихся спать в отдельной комнате, где по их словам слышны странные звуки. В данном случае было несколько вариантов объяснения шума. Дикое животное могло забраться по веткам и теперь не может слезть. Маловероятно, но ещё меньше шансов, что их решили напугать намеренно.

Богдан глядел в окно, ища среди серых линий забора и деревьев признаки автомобиля или ещё что-то указывающее на присутствие человека. Он должен посмотреть, больше некому. Сидеть до утра не сомкнув глаз не лучший вариант. Богдан надел штаны и включил свет. Серые полосы дождя снаружи окон перестали быть видны и сменились ярким пятном, отражающимся от люстры.

– Вы сидите тут, – сказал он, завязывая резинку штанов в узел. Вера кивнула. Немного прищурившись после лёгкого лунного света, Богдан пошёл к двери.

– Свет выключи, – сказала Вера и легла на подушку. Богдан щёлкнул выключателем и вышел в прихожую, освещённую неопределённой формы пятном лунного света, пробивающегося сквозь преграду дождя, веток и влажного стекла. Богдан направился проверить, закрыты ли окна и двери в кухне и прихожей. Возможно, где-то протекает вода. Судя по прыжкам или броскам на крышу, шифер мог лопнуть. Богдан прошёл через прихожую, осторожно ступая по большому ковру, расстеленному по всему периметру комнаты. Он видел капли воды, бегущие по стёклам, включил свет и шуршал вещами на вешалке в поисках куртки и зонта. В такую погоду он мог легко простудиться. В данный момент эта мысль отступила, занимая последнее место в зрительном зале приоритетов. В первую очередь его интересовал посторонний на территории дачи. Зонт был на месте. Помимо него Богдан накинул куртку. Она обладала прохладой. На несколько секунд он вышел на кухню и вернулся, держа фонарь. Богдан был готов выйти и готовился к встрече с незнакомцем. При такой погоде увидеть что-то можно было только направленным светом. Богдан схватил ручку двери готовясь выйти навстречу опасности, но замер. Дверь оказалась приоткрытой. Богдан видел потоки воды, заполняющие крыльцо и слышал шум ветра. Сквозняк обдавал грудь и ступни прохладой. Дрожь щекотала бока. Цепочка на двери была снята и болталась как маятник настенных часов. При виде её Богдан задумался, закрывал ли он дверь перед сном. Он не помнил этого.

Во дворе образовалось несколько луж. Богдан шагнул за дверь, в лицо брызнули носимые ветром капли воды. Шум ливня закатился в дом и коснулся ближних комнат, сообщая, что Богдан вышел. Он открыл зонт и направился на середину двора, шлёпая резиновыми тапками по лужам и влажному асфальту. Ноги быстро промокли. Куртка слабо прикрывала голое тело от прохлады, приликая к груди. Луна слабо освещала местность, пуская серебряные лучи, смешанные с мраком дождливых туч. Луч фонаря бегал по двору, выискивая что-то подозрительное. Луч осветил старый деревянный забор, перепрыгнуть который не было проблемой, дальше прошмыгнул в виноградник аркой нависающий над двором. Кругом рябило от полосок хлынувшей воды. Палисадник насытился зелёным цветом вместе с поступившей влагой. Жёлтый свет уличного фонаря терялся в мерцании капель воды. Богдан не понимал, как дверь открыли снаружи, не сломав замок. Он повернулся к дому, осветил крышу. Линия света нарушалась каплями, но Богдан смог рассмотреть пустую поверхность

с волнистыми линиями шифера, с краёв которого стекали струйки воды. Ветер безжалостно напоминал о том, что на дворе не лето. Ноги промокли, штаны липли к телу. Мерзкое ощущение сопровождалось холодом. Богдан вернулся к дому, медленно направился вдоль стены по выложенной плитке, периодически оглядываясь на забор. Для такой погоды часты случаи воровства, и он решил, что звуки на крыше один из таких случаев. Вероятность мала, но Богдан всегда перестраховывался. Он напрягал зрение, вглядываясь в чёрные тени. В голове был вопрос без ответа. Логическая цепочка порвалась, её звенья с треском разлетелись по полу. Все варианты, которыми Богдан мог обосновать волнующие шумные звуки, стали размытыми и нечёткими как отражение луны в дворовой луже.

Зачем бегать по крыше, если человек пришёл ограбить и как можно меньше привлечь к себе внимания?

Это не давало покоя. Богдан нервничал и обдумывал, что делать, если за углом он увидит преступника. Обычно беда приходит, когда её не ждут. Что ожидаешь меньше всего, то непременно происходит.

Богдан всегда защищал слабых и действовал по справедливости в любой ситуации. Главное это честность, но если конфликта можно избежать нужно к этому стремиться.

Богдан заглянул за угол. Никого нет, лишь капли дождя и влажная аллея, отсвечивающая луч фонаря волнистыми бликами. Мрак ночи притаился в тенях деревьев и щелях забора.

Что дальше?

При встрече с грабителем первым делом ослепить его, затем нанести удар в лицо. Можно фонарём можно зонтиком. Чем угодно главное чтоб у него не было оружия, иначе он ничего не успеет сделать. Если бы незнакомец хотел убить их, тогда не будил бы. В этом не было логики.

Молния осветила забор вдоль участка, стали видны кустарники и деревья промокшие и вялые. Куст крыжовника был похож на колючую проволоку, проложенную между рядами посреди палисадника. Шум стекающей с крыши воды напоминал мочеиспускание.

Что за глупость? Я мокну из-за того, что показалось шагами по крыше. Действительно глупо. Либо нас грабят, но тихо, либо шумят и убегают, не давая спать. Тогда чего я стою? Нужно идти в дом.

Богдан в последний раз осветил участок и хотел пойти в дом. На несколько секунд он задержал взгляд на заборе. Блеснула молния. В её свете он увидел красного цвета автомобиль с открытой дверью, стоящий в пятидесяти шагах. Из двери высунута нога. Дворники на лобовом стекле сделали оборот и замерли. Мгновение Богдан оценивал увиденное. Образ знакомых жигулей выбирался наружу из глубины памяти. Жигули похожи на соседские. Такая модель у Вовы. Но почему дверь не закрыта? Кто сидит на пассажирском сидении, вывалив ногу на пол, как уставшая гончая вываливает язык в жару? Богдан решал, стоит ли подходить. Любопытство одержало верх. Он двинулся к забору и не заметил, как перешёл с бетонного покрытия аллеи на сырую землю, запачкав обувь. Он шёл вдоль грядок. Идти стало сложнее, подошва обрастала грязью мешая поднимать ноги. Дождь барабанил по зонту. Богдан поставил фонарь на штакетный забор и осветил лобовое стекло Жигулей.

– Вова ты там? – крикнул Богдан. Он забыл, что находился полуголый под дождём и резиновые тапочки стали непригодными для прогулки по чистому и сухому ковру.

– Вова! Что случилось? Двигатель сдох? – крикнул громче Богдан и осветил спинку сиденья. Лица пассажира видно не было, оно склонилось набок, будто человек хотел достать педали носом. Торчавшая из двери нога не шелохнулась. Богдан отложил зонт на деревянные колья и оголил голову дождю. Моментально капли затуманили глаза и неприятно сте-

кали за пазуху. Он почувствовал сырость и холод. Это ощущение дополнило необъяснимое волнение за соседа, чья нога, как считал Богдан, торчала из пассажирской двери. Он быстро перепрыгнул через забор, опираясь одной рукой. Оказавшись на земле, он схватил зонт. С носа и волос капала вода, подошва обуви была в грязи.

Первым делом в душ, – выставил для себя приоритеты Богдан. Он стоял в нескольких метрах от Жигулей и мог рассмотреть обувь, свисающую с пассажирского сиденья. На подошве и по бокам была грязь. Богдан сделал несколько шагов по жидкому месиву и услышал звук захлопываемой двери дома.

Скорее всего, это сделала жена.

Мысль была рассчитана на то, чтоб успокоить себя, но Богдану она не помогла. Он на секунду посмотрел на дом, осветив его фонарём, стараясь отогнать навязчивые идеи, не предвещающие ничего хорошего. Никого не увидев, Богдан продолжил осматривать тело в машине. Человек был мёртв. Холод быстрыми маленькими шагами пробежал по спине, заставив Богдана вздрогнуть. Он засомневался.

Почему вдруг дверь захлопнула жена? Она даже не хотела встать, чтоб выключить свет.

Богдан сделал шаг к приоткрытой дверце автомобиля и рассматривал лежащее на боку тело. Руки лежали хаотично: правая на боку, левая на коврике. Голова опущена на сиденье.

– Эй, мужик! – крикнул Богдан и стукнул кончиком тапка по обуви мужчины, чтоб привлечь внимание. Никакой реакции. Богдан подошёл ближе, наклонился. Ужас обошёл все нервные клетки нагрев их до состояния потрясения. Богдан узнал лицо. Это был его сосед Вова. Он был мёртв. Подобный настойчивый факт всё напористей давил на голову Богдану, стараясь внушить мужчине правильные действия, требующие первостепенного внимания. Глаза Вовы не моргали, уставившись в точку над прикуривателем. Губы синеватые, будто он просидел час в ледяной воде, рот приоткрыт. Сиденье и всё тело было мокрым. Коврик под сиденьем тоже, будто на него вылили ведро воды. Богдан постоял секунд десять не решаясь прикоснуться к телу, затем быстро направился к дому. Замедленная реакция, вызванная паникой, отняла несколько минут. Богдан понял, что семье грозит опасность, а звуки на крыше были отвлекающим манёвром, чтоб выгнать его на улицу. Богдан шёл вдоль забора, освещая дорогу фонарём. Он вошёл через калитку быстро пересёк двор, оставляя нечёткие отпечатки отваливающейся с подошвы грязи. Он ускорил шаг и перестал смотреть под ноги, глядя только на дверь, которую сквозь струи воды и вечерний мрак освещал фонарь. Дверь была закрыта. Он схватил ручку двери, как делал это десять минут назад. Богдан испугался, что она заперта. Он с силой дёрнул. К его радости дверь отворилась.

– Вера! – крикнул мужчина, бросая зонтик. Тапки он оставил на улице, чтоб не пачкать ковёр. Про грязь, которая будет спадать с ног, он не подумал. Богдану было не до этого, он боялся. Жена не отозвалась, но причиной мог быть сон, в который она углубилась вместе с сыном.

– Виталик! – крикнул Богдан. Никакого ответа. В прихожей темно, но он оставлял свет, когда выходил. Это странно. Вера бы не выключила его. Богдан включил свет в прихожей и увидел, что на полу мокрые следы, слабо проявляющиеся на ковре, но отчётливо на линолеуме. Кто-то должен был оставить их. Богдан бросился к спальне, постучал в дверь.

– Вера, открывай!

Тишина.

– Вера всё в порядке? Вера!

Богдан начал плечом выбивать дверь. Если она заперта изнутри, значит, там кто-то есть. Вера не запирает дверь, пока мужа нет. Если она не отвечает, значит у неё проблемы.

Богдан стукнул дверь, отступил на шаг, набираясь сил и делая перерыв. Он с новой силой навалился. Дверь не поддавалась. С каждым ударом он всё больше нервничал.

Богдан отдышался. Он упёрся лбом и руками в дверь, делая глубокие вдохи, предвкусывая момент, когда услышит любимую и её неприличные слова, коими она осыпала его, если Богдан позволял лишнего или был агрессивен. Её голос сейчас был бы чудодейственным бальзамом для ушей. Богдан настолько приготовился услышать жену, что не заметил, как промёрзшие на улице ноги обдавало прохладой и неприятной влагой. Он посмотрел вниз, подавшись ощущению окутывающего холода и увидел, как из-под двери вытекала вода. Это была не струйка жидкости, а настоящий поток, будто всё помещение было заполнено до потолка. Богдан отступил. Он напугано и вместе с тем удивлённо смотрел, как вода заливают ноги, вытекая из спальни.

– Что это такое? – спросил он вслух и бессильно смотрел на темнеющий ковёр. Несколько секунд подобного зрелища заставили его прийти в себя и осознать, что семье угрожает опасность. Выброс адреналина, и предел праздного состояния достигнут. Ему будто впрыснули бодрящий наркотик, превратив в подобие биоробота на урановом топливе. Он навалился на дверь, не ощущая усталости и боли. Всё тело онемело. Вместе с ужасом он чувствовал растущую силу. Мозг словно сказал ему:

Я отключу боль, а ты пока вышиби дверь, окей?

Он согласился и начал концентрировать силу. Глухие удары о дверь смешивались с шумом дождя и ветра. Звуки образовывали коктейль из голосов людей, терпящих бедствие. Время словно остановилось. Богдан слышал каждый удар сердца, ощущал проходящую через тело кровь, разгорячённую, как масло на сковородке. Он навалился в очередной раз, дверь отворилась, заставив звенеть сломанный замок и отлетевшую скобу. Перед глазами предстала комната, из которой он вышел меньше получаса назад. Мокрая, будто облитая из шланга. На кровати тело. Жена лежит на спине, одна рука свисает, глаза уставлены на входную дверь. Рот приоткрыт, волосы мокрые. На лице удивление. Богдан покачал головой, не веря, что любимая могла умереть. Он заикнулся на жене, как пчела на цветке.

Богдан сделал шаг. Давали знать нервные потрясения, хватающие за лодыжки. Ноги подкашивались, Богдан терял равновесие. Он споткнулся о тело сына, лежащее на полу, в луже, и упал на колени. Ребёнок лежит лицом вниз без признаков жизни, пижама с клоунами задралась и оголила спину.

– Боже мой! – крикнул Богдан и протянул руки к сыну, не замечая ничего вокруг. Он повернул его лицом к потолку, попробовал сделать искусственное дыхание. Зажал нос, дунул в рот, стараясь делать это резко.

Дыши! Только дыши, я прошу! Это всё, что я прошу.

Безжизненные и бледные губы сына не шелохнулись. Богдан глянул на тело жены затем в бледно-голубое лицо сына. Он не мог сделать выбор кого спасти и запаниковал. Тело сына стало слишком тяжёлым. С хлюпающим звуком голова ребёнка упала на мокрый пол.

– Виталик, очнись! – крикнул Богдан. Его состояние было перевозбуждённым. Он сидел в луже в спальне и смотрел на сына, пытаясь привести его в чувства.

Откуда в комнате столько воды?

Богдан даже не задумался об этом, когда вошёл. Всё что он видел, два мёртвых самых дорогих человека. Кто-то убил их. Они утонули или их утопили. Разницы не было.

Богдан оглядел комнату и убедился, что крыша не протекает. Когдаходишь в помещение, где на полу вода, глаза поднимаются к потолку. Стены влажные, но не полностью будто обрызганы трусящейся мокрой собакой. Кровать мокрая. Жена, которая всегда предупреждала об опасности и служила датчиком угрозы, лежала мёртвая на супружеском ложе.

Жена, которая хотела дотянуться до сына и помочь, спасая от опасности. Она всегда знала, что делать и заботилась о семье больше, чем о собственной жизни, но это не помогло.

Богдан прислушался. Он сглупил и не обратил внимания, что сломал замок, а значит убийца в комнате. Богдан огляделся. Комната сына, дверь в которую была дальше, открыта. Он чувствовал, что убийца там. Прошло не больше двадцати минут, с момента ухода Богдана. Двадцать минут, за которые семью убили. Он пощупал пульс жены. Ничего. Взял в руку мобильный, лежащий на тумбочке у кровати с которого капала вода, нажимал клавиши. Через секунду он перестал двигать пальцами, поняв бессмысленность попыток.

Теперь он бесполезен. Что делать?

В доме не было стационарного телефона, Богдан растерялся. Он искал выход. Лицо и уши горели от напряжения, глаза болели, руки ослабли, голова кружилась.

Искусственное дыхание! Конечно!

Цепляющаяся за шиворот надежда толкала голову Богдана к губам жены. Ему вспомнились все разы, когда он прикасался к устам любимой и пачкался о помаду. После того, как человек захлебнулся, есть семь минут, чтоб откачать его. Это значило протянуть руку и вытащить утопленника с того света, пробуя надуть как воздушный шарик.

Богдан принялся вдыхать жизнь в жену. Он надавил ей на голую грудь, выдохнул содержимое лёгких в рот. Остановился. Никакого эффекта. Если бы он мог посоветоваться с кем-то, спросить, как лучше наклонить голову, или с какой интенсивностью подавать порции воздуха у Веры появились бы шансы. Богдан глядел на холодные губы и попробовал ещё раз, прижимаясь ко рту жены. Ситуация критическая.

Страх перед убийцей отошёл на второе место. Богдан не боялся в данную минуту встретиться с ним. Часть его даже стремилась к этому, чтоб показать, что он в гневе не менее опасен. Некая справедливая часть, живущая в глубине эмоционального кокона, вылупляющаяся каждый раз, когда человек ощущает, что выход в резкой отдаче и безошибочной оценке ситуации. Тот самый случай, когда планка обрывается и происходит перевоплощение гражданина в мстительный механизм без кнопки выключения. Подобно опухоли в голове, растаявшая как зерно попкорна во время нагрева, в мыслях пробивался тонкий звук, шумящий и нагоняющий жар.

Месть!

Богдан во что бы то ни стало, собирается отомстить. Он потерял всё, что ему дорого, и теперь посвятит себя мести. Но сперва ещё одна попытка. Богдан наполнил лёгкие воздухом и выдохнул в бесчувственное тело жены. Её грудная клетка поднялась вверх и сразу опустилась, груди качнулись.

– Боже, пожалуйста! – говорил Богдан и вновь пытался вдохнуть жизнь в супругу. Он начал делать надавливающие движения на грудь и подумал, что на кровати это неудобно. Однако пол весь мокрый и лучшего варианта не было. Времени на раздумья не остаётся.

Очередной вдох, и о чудо! Женщина закашлялась. Очень слабо, едва заметно, но с каждым разом интенсивней. Она повернула голову набок, зажмурила глаза, выплюнула воду. Она продолжала кашлять, махая руками. Богдан почувствовал что-то волшебное. Он сотворил чудо! На глазах выступили слёзы, руки вновь дрожали. Жена жива, он вернул её к жизни.

– Вера, – сказал Богдан и попытался приподнять жену. Но что если он помог жене, а сына спасти не сможет. Как он будет жить с этим? Появилось ощущение вины. Богдан знал, что оно не покинет его никогда. Страх о подобном финале заставил Богдана повернуться к сыну и глядеть в не моргающие глаза. Сквозь кашель жены Богдан не расслышал, как сзади донеслись хлюпающие шаги. Кто-то шёл по помещению, но не со стороны комнаты сына. Кто-то стоял за спиной всё это время. Богдан был рад, что жена жива, повернул её на бок,

чтоб она могла вылить из себя остатки жидкости, выплёвывая горечь и ощущая в горле жгучий комочек. Неожиданно Богдан почувствовал прохладу на шее. Его горло обхватили рукой. Он обратил внимание, что душившие его руки влажные и прохладные. Он немного удивился, обернулся и увидел лицо, которое его жутко напугало. Размытое лицо убийцы. С нечёткими контурами на лице слабо виднелась злая улыбка, словно плавающая по мутному овалу с гуляющими линиями. Последнее лицо, которое Богдан видел в жизни перед тем, как его лёгкие наполнились водой.

20 сентября, воскресенье утро

Николай Кравцов ехал по трассе вдоль реки. Солнце только начинало поднимать яркий диск.

Ни капли не греет, только в глаза светит, – заметил для себя Николай. Он сделал радио громче и слушал новости, которые в перерывах между песнями оглашают последние события. Для Николая новости были не важны. Он любил песни, чтоб голова расслабилась, любил в такт музыке барабанить пальцем по обшивке руля. Хорошая песня как лекарство от стресса. Он открыл окно и заметил, что утро тёплое. Приятная прохлада ворвалась в кабину, обдав лицо потоком воздуха, бодряще действуя на сонного водителя.

Николай проезжал мимо реки. Вода бежала, закручиваясь в бесформенные овалы, огибая камни. Его внимание привлёк автомобиль, съехавший с дороги. Передняя часть была погружена в воду.

– Вот и неприятность, – сказал он и глянул в зеркало заднего вида, чтоб избежать при резком торможении удара. Опасения оказались напрасными, дорога была пуста. Николай остановился и заглушил мотор. Электронные часы на щитке приборов показывали 7:23. На работе нужно быть в восемь. Ехать ещё примерно полчаса. Ничего не должно случиться, тем более упавший в реку автомобиль более важное дело, нежели успеть на работу. Следует правильно размещать приоритеты. Похвалив себя за подобное решение, он вышел из машины. Было прохладно. На пустой дороге ехало несколько машин. Поодиночке их было мало, чаще встречались группами по две и более.

Хоть бы кто остановился. Видят ведь, водитель в беде.

Николай перешёл дорогу и остановился перед спуском, глядя на автомобиль. Синего цвета Daewoo погруженная в воду по водительскую дверцу. Дверца открыта, в салоне пусто. Дорога проходила на возвышенности. Николай спустился боком по влажной траве, чтоб не поскользнуться. Он подошёл к дверце и заглянул внутрь, заинтригованный происшествием. С виноватым видом он приготовился лицезреть жертву трагических обстоятельств. К груди словно поднесли раскалённые угли, стало душно и волнительно. Драматическая, но объективная мысль пронеслась у него в голове:

Вдруг уже поздно?

Он боялся обнаружить труп на сидении или около машины. Бесчувственное тело в позе бесполезно требующей внимания. Николай огляделся, не сходя с места, но к счастью ничего не обнаружил. Он заметил, что дорожки в машине мокрые, ключи в зажигании, двери не заперты. Хозяин будто просто бросил машину, решив идти пешком, но возможно его вытащили силой. Второй вариант Николай посчитал более приемлемым, учитывая обстоятельства. Подобная мысль заставила его вздрогнуть. Он рассердился на жестокость, творящуюся в мире, и обеспокоенно подумал, что вполне мог оказаться на месте водителя.

– Эй! – растерянный и неопределённый крик Николая смешивался с журчанием реки, теряясь в звуках транспорта. Он огляделся и принял твёрдое решение сообщить в полицию.

Подло было бы обшаривать чужие вещи, даже осмотреть машину он не осмелился. Странное ощущение металось вокруг подобно спутнику планеты. Он думал, что стоит сесть в машину как хозяин явится. Подобная уверенность сковала его, как мороз воду. Без хозяина обыскивать машину не хотелось.

Николай постоял в нерешительности окружённый звуками воды и периодического гудения двигателей. Ветер вольно гулял вдоль реки, задирая спортивную кофту Николая. Мужчина обошёл автомобиль, просмотрел окрестность, выискивая следы или какие либо свидетельства ухода водителя. Ощущение было, словно он находился на месте преступления и с каждой секундой оно крепло.

Если хозяин ушёл, почему не закрыл машину? Если с ним что-то случилось, надо сообщить в полицию. Пусть по номеру разбираются, кто он и что тут делал.

При мысли, что хозяина не предвидеться, Николай собрался сесть в машину и открыть бардачок, в надежде, что там окажется техпаспорт или водительское удостоверение. Он открыл пассажирскую дверцу и смотрел.

Вдруг я зацеплю или испорчу важную улику и этим помешаю следствию?

Часть его ответственная за приличие не хотела этого делать, и он решил просто позвонить в дорожную инспекцию и сказать, что обнаружил брошенную машину возле реки.

Он вернулся в свою машину и позвонил. Его номер телефона записали, после чего он поехал на работу с чистой совестью без задней мысли. Он сделал всё что мог. Глядя на часы понял, что лучше поторопиться, и, глянув в зеркало заднего вида, включил сигнал поворота, после чего тронулся с места, давя на педаль сильнее, чем обычно.

На следующий день его вызвали, чтоб задать несколько вопросов. Иногда добрый поступок, совершённый вовремя, продлевает жизнь эффективней, чем советы докторов.

По приезду полиции ничего указывающего на случившееся обнаружить не удалось. Водительского удостоверения не было, по номерам установили, что хозяин машины Роман Перьев. Сам Перьев не обнаружен. Автомобиль отбуксировали на штраф-площадку до выявления хозяина. Повреждений в корпусе не было, но вся электроника вышла из строя.

– Замена этого обойдётся примерно в десятку тысяч, – заметил работник автосервиса, бегло оглядев содержимое. Он наклонился над капотом. На нём был испачканный синий комбинезон. Оглядывая повреждения, он не вынимал изо рта сигарету и рук из карманов, показывая, что работа видна насквозь, и он уже определил, что и сколько времени нужно делать, но не начнёт пока не явится хозяин, способный дать хоть какую-то гарантию, что выпачканные руки оплатят наличными, как он надеялся «левыми».

– Её нашли в реке, – ответил стоявший инспектор, глядя под капот и делая вид, что понимает не меньше ремонтника, – погруженную настолько, что вода была в салоне.

Ремонтник кивнул, прикрыл капот, затем прищурился одним глазом, посмотрел на инспектора, пытаясь уловить в словах смысл.

– Не поставил на передачу, – сделал вывод ремонтник, – так бывает. Когда бежишь отлить глушишь мотор и забываешь о столь простом действии. Хорошо хоть её не смыло глубже, иначе попал бы он на приборы и обшивку.

Ремонтник махнул рукой. Для него это была лишь работа. Ему наплевать, жив ли хозяин машины. Главное чтоб оплачивали работу.

– Будем ждать, – сказал он и ушёл, засунув руки в карманы.

Глава 2

Действующие лица

Дверца тёмно-зелёного Daewoo открылась. Начищенный чёрный туфель опустился возле лужи на землю, оставив слабый отпечаток. Показалось серьёзное лицо следователя. Рубашка не застёгнута на верхнюю пуговицу, показывая вольные намерения хозяина и простоту повадок. Иван Больша немного полноват, но это было малозаметно под аккуратным костюмом и свободной курткой. Лицо круглое, глаза голубые. Причёска твердила, что за волосами смотрят. Гладко выбритое лицо не скрывало зарождающиеся морщины. Больша поправил куртку обошёл лужу, оглядел стоящих у забора людей и собравшихся зевак, которых не пускали к месту трагедии, отгораживая жестами и громким голосом. Несколько человек в форме стояли и курили перед входом в дом в тени виноградника. При появлении Больша один из них кивнул. Свет пробивался через утреннюю зарю, отсвечивая в лужах россыпь драгоценностей. Земля приобрела тёмный цвет и гладкость полированного металла. Зелень стала насыщенной. Больша оценил участок и маленький дом, тонущий в тусклых красках дешёвой отделки. Он решил, что хозяева бывали тут часто и следили за порядком. Всё смотрелось красиво, но дотошно, на что указывали мягкость дизайна и приятный интерьер. Дешёвое, но собранное на совесть окружение сияло чистотой. Лишь несколько небрежных хлопьев грязи портящих белизну участка и чистоту плитки указывали на отношение хозяев к законам порядка и нудной ухоженности.

Один из соседей обнаружил мёртвую семью. Больша выехал, как только ему позвонили. Он привык спать в обнимку с телефоном и настороженно ждал звонка, принимая как должное зависимость от преступления и приравнивая чужую беду к личному рабочему активу. Это грубо, но это факт. Преступник будет наказан и будет отвечать за проблемы причинённые людям.

Рядом с участком стояла машина, возле которой обнаружили ещё одно тело. Иван закурил стоя в тени виноградника, наслаждаясь прохладой и светом. Он затянулся, неспешно прошёл к дому, сверкая полированной обувью. В каждом движении проявлялось бережное отношение к вещам, чистоте которых он уделял особое внимание. Возле двери Больша ждал напарник, немолодой мужчина с лысиной на голове. Зовут его Денис Евгеньевич Сафронов. Его худощавость неуместно смотрелась на фоне серого дома. Лицо выражало скорбь по погибшим, будто это была его собственная семья и каждый раз, когда убийца подобно мыльному ошметку выскакивал, Сафронов гневно ходил по кабинету курил и пополнялся злостью. Такое лицо было каждый раз. Больша за время работы так и не привык к этому взгляду. Когда человек живёт работой, она поедает его подобно опухоли. Оторвать таких людей от дела означает лишить смысла жизни, вырвав ростки света и радости, что созревают под влиянием занятости. Этот путь, направляющий, словно невидимый навигатор служит мостом жизни, рухнув с которого человек перестаёт ощущать почву и витает в тумане, как заблудившийся пилот.

Больша поздоровался, протянув руку. Он ощутил насколько худая кисть у напарника и посочувствовал, осознав, что время убивает, медленно и неотвратимо пододвигая нас холодной рукой к могильной яме.

– Они все мертвы, Ваня, – сказал Денис, держа сигарету. Солнечный свет осветил бесформенные полосы морщин и сжатую в недвижимые узоры злость.

– Четыре человека, все утоплены.

Сафронов покачал головой, жалея, что не оказался рядом.

– Все утоплены? – удивился Больша, выбросив сигарету. Он выдохнул дым в светлое небо, готовясь углубиться в новое дело.

– Это предварительное решение, но судмедэксперт практически уверен.

– Разберёмся, – сказал Больша.

Иван прошёл в дом обратил внимание на влажные и грязные следы босых ног, ведущие в спальню. Ещё одна пара следов принадлежала другому человеку. Первый след более чёткий и оставляющий отпечатки второй чище и прозрачней.

– Чьи следы?

– Одна пара принадлежит хозяину, – сказал Денис, подойдя. Он выбросил сигарету.

– Мы нашли грязные тапки на пороге и следы от них в огороде. У машины эти же следы, но размытые. Полной уверенности, что обувь та же, нет. Скорее всего он подходил во время дождя к машине затем вернулся в дом оставил обувь и прошёл в комнату. Это предварительная версия, но я думаю, что она верна. Его ноги в грязи, в прихожей зонт. Кому принадлежат другие следы, мы не выяснили. Очевидно, убийце.

Сафронов обвёл прихожую рукой, показывая, что тут убийца оставлял следы, когда направлялся в спальню. Он замолчал и слушал свежие доводы напарника, который оглядывал большую прихожую.

– Однако какой странный способ убийства он выбрал, – сказал Больша, вспомнив об утопленниках. Он прошёл через прихожую и остановился на пороге комнаты. Внимание привлёк влажный пол оглашающий пределы помещения праздностью и мирной тишиной. Капли на мебели и телах напоминали действие оросительной системы работающей при пожаре. Больша поднял голову. На потолке не было никаких оросителей. Больша попытался представить, что произошло и каким образом три человека утонули в спальне. Доля азарта зашевелилась в нём, разгоняя остатки сна, взбодрив подобно крепкому кофе. Ему бросили задачу он готов принять вызов.

Что-то тут не так.

В углу сидел мужчина с кисточкой. Он искал отпечатки пальцев, исследуя чашку на подоконнике.

– Не думаю, что вы найдёте отпечатки постороннего, – обратился Больша больше к напарнику, чем к сидящему на корточках, но парень глянул на отстранённое лицо Ивана и продолжил заниматься делом перенеся вес на другую ногу.

– Почему ты так решил? – спросил Денис.

– Ребёнок в пижаме, женщина лежит на кровати голая, мужчина в одних штанах. Они спали, когда всё произошло или собирались спать. Неизвестный прервал их трагическим образом. Не думаю, что после этого он трогал что-то в помещении.

Денис ничего не ответил глядя на накрытое женское тело с любопытством.

– Где ещё одно тело? – спросил Больша, – тут только три, а ты сказал их четыре.

– Одно в машине недалеко от дома. Их сосед. Тоже утонул по всей вероятности.

– Вчера был сильный дождь, – напомнил Больша. Это неуместное замечание словно предрасполагало задуматься, не утонули ли погибшие из-за погодных условий. Подобный факт сам по себе выглядел глупо и Больша внутренне сконфузился, стараясь не показывать этого поведением.

– Не думаю, что это стало причиной столь необычной смерти, – иронично сказал Денис Сафронов. Он отвернулся, представляя на этом месте жену. Это сравнение нагнетало гнев и злобу, причиняя больше страданий и переживаний, чем положено. Он представил, что сделал бы в этом случае с убийцей.

Больша присел, осмотрел тело девушки лежащей на кровати. Больша приподнял ткань, увидел тусклого цвета кожу, широко открытые глаза, мирно глядящие на дверь. Иван ощупал холодную руку, поднял покрывало, мельком глянув на грудь, осмотрел постель.

– Она практически сухая, – сказал Больша, выровнявшись.

– Женщина?

– Нет. Постель. Я не вижу чётких влажных пятен. Если она утонула, то ей влили в горло воду, не замочив постель. Или перенесли тело после того как утопили. Ребёнок и мужчина тоже лежат в луже.

– Их убили одним и тем же способом. Все наглотались воды. Хозяин дома, – Денис указал на мужчину, – выходил на улицу. Мужчина в машине, его звали Вова, был у реки. Туда ведут следы автомобиля. Там мы нашли удочку и разбросанные предметы сорванной рыбалки. Ведро, рыболовные снасти. Он ловил рыбу, потом, бросив всё в спешке уехал, доехал практически к дому. Или его довели. Два километра не такое большое расстояние. Мы полагаем, рыбу он ловил не один. С ним кто-то был. На подстилке две рюмки, две вилки, два рыбацких набора. Его напарника не нашли.

– Он подозреваемый? – спросил Иван, повернувшись. Первая версия, что приходит в голову, обычно правильная. Обычно, но не всегда и Больша считался с этим, давая шанс Сафронову высказать предположения. Этим он подчёркивал, что мнение напарника важно.

– Пока не знаем. Дело портит спешка, с которой они покинули рыбное место. Они оставили кое-что на определённую сумму. Нельзя сказать, что сумма крупная, но приличная. Один спиннинг около пятисот гривен. Если они уезжали вместе я не могу объяснить торопливость. Начинался дождь, но удочки не бросают их забирают.

– Денис, ты прав. Удочки не бросают.

Иван посмотрел на позы мужчины и ребёнка и отметил их необычность. Ребёнок лежал затылком на полу, глаза смотрели в потолок, руки вдоль тела, словно по команде «смирно». Мужчина лежал правой стороной на ребёнке. Правая рука согнута, левая откинута. Лбом он упёрся в пол. Куртка, наброшенная на голое тело, задралась. Любая поза в которой человек умирает, выглядит необычно, будь то повешенный или убитый в постели. Иван эти позы умел примечать и определять почерк убийцы. Часто покойный неосознанно указывал, каким образом его убили, как убийца подкрался, нанёс удар, был ли узан, ожидали ли его. Всё это невидимым текстом выложено на лицах и телах, и тот кто умеет читать эти застывшие картины, способен гордо поднимать голову и говорить о потенциале.

Мужчина и мальчик лежали с испуганным или удивлённым лицом. В большинстве случаев так и выходит. Люди не предвещают беды и отгоняют подобную мысль, словно назойливую муху. На необычность поз мог обратить внимание даже невнимательный человек. Важно было выяснить причину подобной смерти.

Иван вышел. Он хотел осмотреть тело в машине. Всё необходимое он видел, нужно двигаться дальше.

– Иди через калитку, – сказал Сафронов, – судя по следам, хозяин лез через забор, а затем вернулся, воспользовавшись калиткой. Почему он так поступил, я понять не могу. Видимо у него были причины.

– Что говорят соседи?

– В прилегающих домах никого не было. Через дорогу живёт мужчина он и нашёл тела хозяев, после того, как обнаружил тело Владимира в жигулях.

– Хозяин полез через забор? – спросил Больша, удивляясь необычному стремлению скрыть следы побега. Возможно, он ошибался, но для чего нужно было идти через забор минуя калитку?

– Странно, правда? – подтвердил Сафронов, – мы нашли следы вдоль дома, на плитке, затем в огородной грязи, где отпечатались тапочки.

Денис показывал рукой маршрут Богдана. Они стояли в тени винограда отбрасывающего рваные куски пятен на плитку.

– Далее перелез через забор, вернулся через калитку. Ясно, что он ходил к жигулям. Может его позвали или он бросился на помощь соседу. Возможно, из любопытства пошёл посмотреть и чтоб не терять времени сократил расстояние. Время смерти всех четверых примерно совпадает.

– Очень интересно. Он вернулся в дом, чтоб умереть. Думаю, он спешил спасти семью. Как думаешь, что произошло?

Болыга открыл калитку. Денис вышел следом. Вокруг стояли лужи. Капли влаги стекали с листочков и тихо ударялись об пол. Запах влажной земли и слякоть окутывали двор прохладой. Денис шёл за напарником, во рту была сигарета. В свои шестьдесят он так и не отвык от зависимости. Держать что-то во рту для него было обязательной привычкой, которую человек воспринимает рефлекторно подобно вдохам. Иногда он мог не курить, а по несколько часов ходить с не подкуренной сигаретой, забывая об этом. В молодости легко и просто сигареты помогали успокоиться, а теперь это наркотик.

Забор был невысоким и старым, не рассчитанный сдержать грабителя. Он скорее служил предметом интерьера, очерчивающего границы участка. Болыга шёл, прикасаясь пальцами к пикам забора. Он наблюдал за ярким окрасом зелени в огороде. Там, где вчера шёл Богдан, Болыга остановился. Вывернутыми комками земли виднелись следы хозяина, решившего срезать путь. Болыга пытался разглядеть другие следы, но их не было. Причина срезания пути в дождь осталась необъяснимой, что можно приписать к поражению Ивана. Сам он при подобных обрывах дедукции, ударяющей в спину, приходил в состояние опустошённости, словно его перевернули за ноги и трусили, пока на пол не слетели все зачатки следователя. Болыга прикинул, что жигули видно в любую погоду. Следующий пункт положение водителя.

– Почему он пошёл через грядки, Денис? Его позвали или он просто торопился, как думаешь?

Сафронов взял сигарету двумя пальцами, выпустил дым, оперевшись локтями в штакеты забора. Он глядел на бесформенные отверстия, оставшиеся от ног хозяина, и удивлялся.

– Не знаю, – задумчиво сказал Денис.

Это была правда. Денис не знал. Он ломал голову над этим вопросом с момента, когда впервые глянул на следы и сравнил с отпечатками обуви мужчины лежавшего без движения. Мы ставим себя на место убитого, чтоб понять для чего он совершил тот или иной поступок, стараясь восстановить картину, увидеть событие его глазами. Последние действия кажутся необдуманными, если мы не видим логики, но далеко не всегда всё происходит, следуя здравому смыслу. Есть налёты безумия и безосновательного рывка эмоций сказывающиеся в виде глупых поступков. Часто путает следы паника, терзающая человека как пущенный через тело ток.

Сафронов смотрел на всё это с разных углов и никак не мог нащупать истину произошедшего. Логика нет, но факт нельзя удалить нажатием кнопки, он крепок и настойчив. Действие произведено, а значит, была причина. Если свет стал тусклее, ясные очертания фактов потемнели, войдя в тень облаков, пора отбросить основные варианты и подняв ширму глянуть за кулисы. Возможно, то, что вы ищете, безмолвно ждёт, наблюдая, как вы выкуриваете одну сигарету за другой, упираясь в бетонную стену, осушая мозги и позволяя мыслям разбегаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.